

Реалии российской преступности и борьбы с ней имеют ряд характерных особенностей. Некоторые особенности в той или иной мере свойственны криминогенным реалиям других стран постсоветского пространства и даже мира в целом.

Первая особенность. В стране, как и в мире в целом, идет процесс привыкания населения к растущей преступности, в том числе и к ее относительно новым и особо опасным формам – организованной, террористической и коррупционной. Вспышки возмущения в СМИ мимолетны, не влекут за собой никаких серьезных выводов и уж тем более реальных мер-последствий. Преступность приводит в негодование многих только тогда, когда они оказываются потерпевшими. Осознание обыденности криминала порождает безысходность и понимание бесполезности борьбы с ним.

Вторая особенность. В кино, прессе, на телеэкране, а также в Интернете непрерывно мелькают криминальные картины, различного рода шоу, журналистские "расследования" и ужасы реальной действительности, что у раскрепостившегося народа вызывает массовый интерес. Американский писатель Джон Стейнбек в своей книге очерков "Путешествие с Чарли в поисках Америки" пишет, что мы любим добродетель, но нас больше интересуют не честный бухгалтер, верная жена или серьезный ученый, а бродяга, шарлатан, растратчик, преступник, бандит и т.д.

Современные пресса, кино, телевидение, поп-культура и Интернет пытаются вернуть человека к примитивному исходному состоянию. Основным критерием успешности кино и телевидения являются не ближайшие и отдаленные криминальные и аморальные разрушительные последствия, а рейтинг и прибыль.

Третья особенность. Доминирующая мотивация различных видов преступного поведения утилитарна: корысть, различные формы личной выгоды, власть, месть, секс и т.д. Суть побуждений не изменилась с библейских времен, только чрезвычайно упростилась и усилилась. Удельный вес корысти в преступном поведении достиг апогея – 80–90% и более. Процесс "окорыствования" общественных (экономических, социальных, политических, правовых) отношений продолжается.

Грядущие поколения найдут путь к миру и согласию. Но прежде стоит внимательно изучить прошлое, чтобы понять, почему это не удалось человечеству раньше.

Четвертая особенность. За прошедшее столетие уровень преступности в среднем увеличился на порядок. Ежегодно в мире совершается до 450–500 млн преступлений на 7 млрд населения. Это около 8 тыс. деяний на 100 тыс. населения. Реальная преступность выше по меньшей мере вдвое. В некоторых мегаполисах Европы уже регистрируется до 16 тыс. и более преступлений на 100 тыс. населения. Латентная преступность даже в самых организованных обществах сравнима с регистрируемой или превышает ее. В нашей стране она оценивается соотношением 1: 5, т.е. на одно учтенное деяние приходится 4–5 латентных преступлений, а следовательно, безнаказанных. Однако то, что преступление было учтено, вовсе не означает, что виновное лицо будет наказано. В этом случае удельный вес безнаказанности в структуре реальной преступности может достигать 90%. *Безнаказанность поощряет преступность.*

Пятая особенность. Параллельно с ростом преступности идет непрерывный процесс криминализации (возведение в ранг преступления) все новых и новых видов общественно опасного поведения. При этом законодательная деятельность не обеспечена серьезными научными исследованиями, законопроекты не проходят криминологической экспертизы (на их обоснованность и криминогенность), непрерывные и зачастую противоречивые изменения и дополнения законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, не имеют продуманного концептуального подхода.

Процесс адаптации уголовного законодательства к меняющейся криминологической обстановке, если это научно обосновано и юридически проработано, а не ориентировано на интересы криминальных кругов, закономерен. Однако когда криминализация в 3–4 раза превышает декриминализацию, требуется серьезное криминологическое осмысление. Государственным органам не под силу взять под контроль беспредельно расширяющуюся сферу уголовно наказуемого поведения. Вряд ли можно оспорить слова древнекитайского философа Лао-цзы: "Когда множатся законы и приказы, растёт число воров и разбойников" (III в. до н.э.), как и французского писателя Ж.-Ж. Руссо: "Чем больше размножаете вы законы, тем презреннее вы их делаете" (XVIII в. н.э.).

Шестая особенность. В то время как интенсивно криминализируются новые деяния, совершаемые рядовыми гражданами зачастую от безысходности, общественно опасные деяния, совершаемые представителями политической,

экономической и правящей элиты, в ранг преступлений не возводятся.

Седьмая особенность. Интенсивное расширение сферы уголовно наказуемого поведения расценивать как укрепление правопорядка ошибочно. Сфера уголовно наказуемого поведения должна быть ограничена наиболее опасными деяниями. *Российская система уголовной юстиции плохо справляется даже с выборочно регистрируемой преступностью, а под грудой реально совершаемых деяний (уголовных дел) она и вовсе рухнет. Отечественные правоохранительные органы вынужденно, но целенаправленно учитывают не более 1/4–1/5 части реальной преступности, выявляют менее половины виновных по зарегистрированным деяниям и доводят до суда не более одного из 5–10 фактических преступников. Нужны иные подходы, другие стратегии в борьбе с преступностью^[2]. Но их, к сожалению, нет. Стратегия предупреждения преступности фактически перестала существовать в процессе перестройки и рыночных реформ. Федеральные программы по усилению борьбы с преступностью, которые хотя и носили формальный характер, но принимались в 1990-е гг., также остались в прошлом.*

Восьмая особенность. Кто же эти пойманные преступники? По данным МВД России, в 2005 г. из 1,3 млн выявленных правонарушителей 60,3% – это лица, не имеющие постоянного источника дохода, 21,7% – совершили преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, 28,8% – ранее совершали преступления, 13,8% – женщины (идет процесс феминизации преступности), 11,6% – несовершеннолетние, 3,4% – совершили преступления в составе организованных групп или преступных сообществ. Похожая статистика наблюдается и в последние годы. Таким образом, *система уголовной юстиции нацелена в основном на бедные, слабо адаптированные, маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния.*

В УПК РФ предусмотрены особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Согласно описанной в нем до предела усложненной процедуре от возможной уголовной ответственности фактически освобождены государственные должностные лица. Такого безграничного иммунитета в демократических странах нет. Общее число "неприкасаемых" приближается к 100 тыс. человек. Именно эта привилегия (а также большие возможности в ведении предпринимательской деятельности, поскольку запрет на нее существует лишь на бумаге) влечет предприимчивых преступников в органы представительной власти. Министры и другие должностные лица федерального уровня исполнительной власти в России не имеют законного иммунитета, однако привлечение их к уголовной ответственности сопряжено с большими трудностями.

Такая практика серьезно подрывает конституционный принцип – все равны перед законом и судом – и является особо криминогенным обстоятельством.

Девятая особенность. Преступления совершают и богатые, и образованные, и высокопоставленные. Коэффициент поражаемости преступностью элитарных групп не ниже (или не намного ниже) коэффициента поражаемое™ самых неблагополучных слоев населения. Другой вопрос, что в каждом слое общества совершаются характерные для него преступления: образованные и высокопоставленные лица совершают интеллектуальные и трудно раскрываемые деяния, а представители низов общества – насильственные, нередко в условиях очевидности. Бедные и слабо адаптированные к жизни люди легко попадают в жернова системы уголовной юстиции, а представители власти и состоятельные граждане редко оказываются в орбите деятельности правоохранительных органов. *Хотя именно в высших слоях общества причиняется колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к власти и государству.*

Краткий анализ тенденций преступности дает основания судить и о возможных тенденциях борьбы с ней. Общим трендом этой борьбы является заметное **снижение социально-правового контроля преступности** в силу социально-правовой беспомощности перед криминалом и непродуманной гуманности к опасным преступникам в России. *Под знаменем демократии, свободы и прав человека стали решаться главным образом узкопартийные и своекорыстные задачи.* Достаточно вспомнить неоднократное вето, налагаемое на законы о борьбе с организованной преступностью, коррупцией и о контроле за доходами должностных лиц под предлогом, что их применение якобы нарушает права на неприкосновенность частной жизни чиновников и их семей. Или исключение из УК РФ конфискации по экономическим преступлениям, которая есть во всех уголовных кодексах европейских стран и в международных конвенциях, подписанных и ратифицированных Россией.

Опыт стран Западной Европы, где установлен строгий государственный контроль за соблюдением законов должностными лицами, был полностью проигнорирован. И эта тенденция (лишь с незначительным улучшением ситуации) прослеживается до сих пор.

Необходимо исходить из того, что контроль над преступностью является *целью* системы уголовной юстиции, а соблюдение прав личности – одним из самых важных, но *средств* его достижения. Без контроля над преступностью, которая в

нашей криминальной стране является самой грубой и крайней формой нарушения прав человека, успешная реализация защиты прав личности невозможна.